

ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙЦЕВ В КНИГЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

В статье рассмотрен один из узловых аспектов горьковской концепции жизни – проблема осмысления российской истории, евразийства, «Россия и Европа», воплощенных в итоговой книге писателя в картинах российской и европейской повседневности, в системе образов европейцев начала XX века, увиденных глазами заглавного героя.

Ключевые слова: М. Горький, Самгин, Париж, европейцы, парламент, поэтика, образ.

Белова Т. Д. Образи європейців у книзі М. Горького «Життя Кліма Самгіна». У статті розглянуто один із ключових аспектів горьківської концепції життя – проблему осмислення російської історії, євразійства, «Росії і Європи», втілену в завершальній книзі письменника в картинах російської та європейської повсякденності, в системі образів європейців початку XX ст., побачених очима головного героя.

Ключові слова: М. Горький, Самгін, Париж, європейці, парламент, поетика, образ.

Bielova T. D. European Images in M. Gorky's Book «Klim Samgin Life». This article is about one of the basic aspect of Gorky's life conception, namely interpreting the problems of Russian history, «Russia and Europe», realized in writer's final book according to the pictures of Russian and European reality, system of European images at the beginning of XX century, seen by the main character.

Key words: M. Gorky, Samgin, Paris, Europeans, Parliament, poetics, image.

Постановка проблеми. О последней книге М. Горького написано немало серьёзных исследовательских работ, но не все вопросы в её истолковании решены. Назрела необходимость современного прочтения «художественного завещания» писателя, адресованного будущим поколениям соотечественников, в аспекте дилеммы «Россия – Европа». В своих размышлениях о российской истории, об изъянах национальной ментальности и их преодолении в «хаосе и мощном грохоте строительства» в родной стране писатель стремился обратить внимание сограждан на опыт государственного и культурного строительства европейских народов. О необходимости познакомить россиян с бытом, семейными и иными отношениями в Европе, не лишен-

ной своих деформаций, Горький неоднократно высказывался в письмах к корреспондентам в России и за рубежом, в статьях и заметках (Соррентийских, Фрейбургских), к сожалению, опубликованных только в 1960-х и последующих годах.

Цель статьи – выявить смысл, функцию образов европейцев (французов, англичан, немцев) в итоговой книге М. Горького как воплощение национальных и историко-культурных воззрений писателя в их аксиологическом ракурсе, преломленных сквозь призму видения заглавного героя и других персонажей.

Изложение основного материала. Интерес М. Горького, убежденного западника, к Европе концептуально значимый, возник ещё в отрочестве и сохранился на протяжении всего жизненного пути, определил во многом его вектор понимания особенностей культурного и государственного строительства в советской России, оказавшейся «за железным занавесом». Неоднократно призывал он соотечественников «учиться работать именно на Западе, где умеют, любят работать, и как ни плохо живут, но всё же более достойно людей, чем живем мы» [7, 192]. Не слабело с годами его убеждение в необходимости пропагандировать среди россиян европейский образ жизни, о чём свидетельствует переписка Горького с разными корреспондентами, в частности, П. Сувчинским [2, 464, 487]. Неизменно верил он в первые послевоенные годы (начало 1920-х годов) в то, что «Европа – силища», что европейцы «имеют все данные для нового Ренессанса». В письме к К. А. Федину (28 июля 1924 г.) писал: «...не верьте, когда говорят, что будто бы Европа погибает. Здесь идёт процесс быстрого отмирания всего, что больше не нужно. А Европа остается – в целом – большим, зорким, умным человеком, который и хочет, и будет жить» [3, 477]. Резко высказывался Горький против идей кн. Е. Трубецкого, который «объявил себя евразийцем и всех русских тоже так обозвал, а Европу, со всей её культурой, предал черной анафеме» [6, 86]. Думается, что активное включение в сюжет книги образов и картин европейской жизни обусловлено, в известной степени, полемикой и с евразийцами.

Характерно, что на страницах автобиографической повести «В людях» (1915 г.) автор признался, что ещё подростком из «пояснений к рисункам «Живописного обозрения» узнал, что «в Праге, Лондоне, Париже нет среди городов оврагов и грязных дамб из мусора, там прямые и широкие улицы, иные дома и церкви». Книги европейских

писателей убедили юного Пешкова: «в Париже извозчики, рабочие, солдаты и весь “черный народ” не таков, как в Нижнем, Казани, Перми – он смело говорит с господами, держится с ними более просто и независимо» [4, XV, 351, 355]. Многолетнее пребывание Горького на Западе (1906–1913 и 1921–1933 гг.), личные общения с простыми людьми, с деятелями науки, культуры лишь укрепили его в этом.

Следует отметить, что образы европейцев появляются едва ли не с первых печатных страниц у молодого Горького. Их ряд открывает национальный герой венгерского народа Кошут, о котором совсем не случайно вспоминает Макар Чудра. Колоритны образы героя-поляка с изрубленным лицом и маленького жалкого полячка в рассказе «Старуха Изергиль», легендарных норманнов из романтической притчи «Возвращение норманнов из Англии», студентов-хорватов в «Беглых заметках» с Нижегородской ярмарки 1896 г. Ярким культурным противовесом русской матери предстает мать-француженка в пьесе «Васса Железнова» (1910).

Привлекателен образ англичанина, клоуна провинциального цирка в одноименном рассказе из цикла «По Руси». Европейец, человек истинной, внутренней культуры и, вместе с тем, «крепкий, стройный щеголь» [4, XIV, 465], нарисован автором с нескрываемой симпатией, как антитеза обывателям русского города между Волгой и Окой. Эта особенность, явное превосходство проявлялись во всём: в деталях одежды, в манере прогуливаться по улицам чужого города, в необычной для россиянина ловле рыбы («Вытаскивая на крючке ерша или окуня, он брал его в руку, ...тихонько свистел в нос рыбе, а потом, осторожно сняв с крючка, бросал в воду»), в том, как он «помог встать пьяному, которого опрокинула лошадь». Поставив несчастного на ноги, он тотчас снял «осторожным движением пальцев свои желтые перчатки, бросил их в грязь». Такой жест – норма для «аристократа духа». Рискуя безоглядно своей безопасностью, здоровьем, вступился англичанин за женщину, жертву разнузданной удали рядских сторожей [4, XIV, 467, 468]. Опоэтизированный образ англичанина в существенно трансформированном виде появится впоследствии у Горького в «Жизни Клима Самгина».

Вступив в полемику между приверженцами восточного или западного пути развития России, Горький по этой линии неожиданно переключается с автором «Выбранных мест из переписки с друзьями». Рассуждая о спорах между сторонниками «наших европейских и сла-

вянских начал», Н. В. Гоголь не без горечи заметил, что «дух гордости обуял обоими», но «кичливости больше на стороне славянистов: они хвастуны; каждый из них воображает о себе, что он открыл Америку, и найденное им зернышко раздувает в репу. Разумеется, что таким строптивым хвастовством вооружают они ещё более против себя европейцев, которые давно готовы были от много отступить, <...> но упорствуют, не желая уступить слишком раскозырявшемуся человеку» [1, 228].

Последовательный западник, Горький слову «европеец» придавал высокий оценочный статус. Своё убеждение в необходимости европеизировать российскую промышленность, пропагандировать европейскую культуру быта среди соотечественников он последовательно выражал и в романе «Дело Артамоновых», и в письмах к Е. П. Пешковой, К. А. Федину, Зиновию Пешкову и другим. Интересные наблюдения над образами европейцев, характером их межнациональных отношений оставил он в Соррентийских и Фрейбургских заметках, написанных в 1920-х годах и опубликованных лишь в конце 1960-х [5]. Решительно не принимал он распространяемые на родине в 20-х годах слухи о загнивании Запада, называя это происками «политических кашеваров». Вместе с тем в письме к Зиновию Пешкову от 3 июня 1925 г. Горький писал из Сорренто: «...о всей Европе думается с грустью и тревогой, в трудное время живёт Европа, очаг мировой культуры и *единственно ценной* культуры, на мой взгляд» (курсив М. Г.). Беспокоило его энергичное наступление на Европу людей иных рас, чуждых «её духа» [2, 312].

Все волновавшие на протяжении последних десятилетий идеи писатель воплотил в прощальной книге «Жизнь Клима Самгина». Антиномия «Запад – Восток» здесь является одним из важных сюжеттообразующих мотивов [8, 115–127]. Отношение к Европе, к её людям, к её культуре для автора – один из существенных ценностных критериев ряда персонажей и, в первую очередь, заглавного героя, личности сложной, неоднозначной, трудно постигаемой. И в этом сложность прочтения многих «кодов» большой печальной повести и её притягательность сегодня.

Горький строго выдерживает верность объективной манере письма, не навязывая читателю своей позиции, своих оценок происходящего в родной стране, стараясь «ничего не восхвалять и ничего не порицать». Однако совокупность фактов, картин, высказываний участников диа-

логов, отдельных наблюдений, внутренних монологов позволяет внести определенные коррективы в отношении таких лиц, как культуртрегер Тимофей Варавка, решительный оппонент народнического окружения Самгиных, последовательный сторонник развития городов в крестьянской России, как начитанная Марина Зотова, оставшаяся вместе с тем равнодушной к Парижу и его красотам. А Клим Самгин, побывавший в Европе и отдавший ей предпочтение по многим параметрам, поднимается в глазах читателя, знакомого с авторской концепцией европейской культуры. В новом, более выгодном свете предстают полуфранцуженка Елена Прозорова, бывший эсдек Попов, по словам которого «нашему русскому недорослю (капиталисту. – Т. Б.) надобно учиться жить и работать у варягов» (4, XXIV, 102), восхищенная Парижем Любаша Сомова и даже плотник Осип, который признался, что Париж научил его «думать о жизни».

Существенно, по мнению автора, то, что интерес россиян к европейцам неотвратим, проявляется спонтанно, о чем свидетельствуют диалоги случайных спутников в вагоне поезда: их волнует, была ли и возможна ли крестьянская война в Германии, где «люди вышколенные» [4, XXIII, 212]. Рассказ Турчанинова о естестве французов, которые свободны от предубеждений, «умеют злиться весело», вызывает неожиданное заключение Безбедова: «Вообще французам совершенно не свойственно лицемерие» [4, XXIII, 269, 290].

Свой вывод в пользу французов сделал рефлектирующий аналитик Клим Самгин, заметив, что они «умеют жить легко». Интересно его наблюдение над жизнью столичного города Франции в праздничном вечернем освещении, в будние дни, в аристократических Елисейских полях и рабочих кварталах. Богатство впечатлений наводит Клим на мысль, что на бульварах Парижа «трудно представить <...> Иммануила Канта и Шопенгауэра или Гоббса. Трудно представить, что в этом городе может родиться человек, подобный Достоевскому. Невозможен и каноник Джонатан Свифт за столиком одного из ресторанов. Но очень понятны громогласный, жирный смех монаха Рабле, неисчерпаемое остроумие Вольтера, и вполне на месте Анакреон XIX века – лысый толстяк Беранже» [4, XXIV, 69–70].

Импонирует Самгину и, это во многом созвучно автору, отсутствие у французов фатализма, что в парламенте Франции заседают люди, которые «воплощают в себе волю народа ... Среди них немало юристов, знатоков права...». Наблюдая с горечью за депутатами

российской Думы, которые вели себя, как школьники в классе, из которого вышел учитель, Клим Иванович вспомнил о членах французского парламента и подумал: «Эти люди живут на земле, которая не качается под ними. < ... > У этих людей с 789 года есть отечество. Они его завоевали» [4, XXIV, 335–336].

Важную роль в реализации дорогой автору идеи выполняют индивидуализированные образы европейцев: среди них выделяется оратор в Парижском парламенте Бриан, опять же – увиденный глазами Клина Самгина. Сжатая, но ёмкая характеристика гибкого политика, который ходит «по идеям, как по лестницам», оставляет в памяти несколько тяжеловатую фигуру большеголового человека «с небрежно растрёпанной прической». Не портят впечатления «толстые щёки широкого лица», освещенного «улыбчивыми глазами», располагает «домашний приятельский тон его речи, плавные движения, четкие фразы. В них патетика и грусть перемешаны с иронией», исчезающей, как только он заговорил о прекрасной Франции, которая, как убежден оратор, «служит делу освобождения человечества» [4, XXIV, 56]. Эти слова произнесены серьёзно, с усилением голоса, и внешне Бриан предстает внушительно: «глаза его, – замечает Самгин, – стали больше, щёки покраснели». Характерно, что Горький, нередко применяющий изоморфные детали в портретной характеристике своих персонажей (сходство, например, Марины Зотовой с большой рыбой, Варавки – с лошастью, Николай II, сидящий на платформе поезда под Старой Русой, кажется Самгину похожим на тритона в аквариуме), здесь обходится без каких-либо фаунистических уподоблений.

В облике девушки по вызову из демократического ресторанчика Лиз Бланж Самгин отмечает миловидность, останавливает внимание на изящно выгнутой темной брови юной парижанки, любуется «смелыми, весело открытыми карими глазами, небольшим, задорно вздернутым носом, твердо очерченным ртом» и приходит к неожиданному, но показательному выводу о сходстве француженки с украинкой. Однако интерес Бланж к русской революции, её суждения о буржуах-иностранцах и революционерах-эмигрантах обнаруживают существенно отличное в мировосприятии юной француженки, скажем, от легкодоступной певички Дуняши. «Профессионализм» Лиз не препятствует росту и развитию самосознания, её интереса к миру.

Заметное место среди европейцев в образной системе «Жизни Клина Самгина» отведено англичанину Лионелю Крэйтону, также представ-

ленному в фокусе самгинского зренья. Первое появление Крэйтона в доме богатой наследницы Марины Зотовой ограничено портретной характеристикой человека «неопределённого возраста, но как будто не старше сорока лет». Настороженному, ревнивому взгляду Самгина предстал «крепкий, стройный, краснощекий» мужчина привлекательной наружности. Наблюдая за гостем, Клим акцентирует антропологический тип европейца: «густые волнистые волосы на высоколобом черепа серого цвета – точно обесцвечены перекисью водорода, глаза тоже серые, ... мягкие», и, несмотря на скрытую неприязнь, вынужден заметить, что улыбка, «обнажая ровные желтоватые зубы», делала его приятное лицо «ещё приятней» [4, XXIII, 348–349].

Интересно, что в одежде Крэйтона повторяются характерные детали: «длинное мохнатое пальто» и такая же «мохнатая фуражка», как на англичанине из рассказа «Клоун», в манере одеваться и вести себя очевидна известная щеголеватость. Правда, обаяние и загадочность европейца тускнеют под давлением его нескрываемого чувства превосходства над «аборигенами».

Подчеркнутая вежливость, старание говорить по-русски правильно, частые посещения церковных служб, восхищение пением церковного хора, а также заинтересованность в судьбе великого Льва Толстого, недоумение по поводу его отлучения от церкви оказываются камуфляжем. За ним скрыт неподдельный интерес сугубо материального свойства: «Изумруды на Урале добывают только французы?». Эта, как будто, между прочим, сказанная фраза обнаруживает главную причину появления потомка квакера в России. Понятно признание Марины в антипатии к таким «соглядатаям»: «Да и неясно: что его больше интересует – сектанство или золото?» [4, XXIII, 350].

Второе появление Крэйтона у Зотовой после поездки его в Закавказье значительно укрупняет, социализирует его портретную характеристику, придавая образу англичанина определённый идейно-политический статус, философско-экономический и национальный эквивалент. Чётко организованный, знающий, что делает, англичанин сразу заявил о бесхозяйственности деловых людей России, об отсутствии интереса к богатствам своей земли и неумении пользоваться ими. Не преминул он тут же с уверенностью добавить: «Мы, британцы, хорошо знаем, где живём и чего хотим. Это отличает нас от всех европейцев. Вот почему у нас возможен Кромвель, но не было и никогда не будет Наполеона, вашего царя Петра и вообще людей,

которые берут нацию за горло и заставляют её делать шумные глупости» [4, XXIII, 364]. В этой реплике, думается, скрыт далеко идущий намёк на недавнее прошлое, отчасти и на настоящее в России.

Поездка Климса с Крэйтоном на Урал позволила заглавному герою, а вместе с ним и читателю, пристальнее рассмотреть «крайнего европейца». Поучение Крэйтона относительно нерасчетливой международной политики российского правления («Германия – не друг вам, а завистливый сосед <...> К нам, англичанам, у вас неправильное отношение. Вы могли бы хорошо жить с нами в Персии, Турции») раскрывает планы колониальной политики англичан в Средней Азии [5, XXIII, 365].

Вместе с тем, наблюдательный Самгин отмечает практичность, стремление спутника к комфорту (у него затейливая щеточка для чистки ногтей). «Он удобно одет, обут, у него удивительно удобные чемоданы, и вообще он чувствует себя вполне удобно на земле», – думал Самгин «со смешанным чувством досады и снисхождения». Досаду вызывали не только самоуверенность англичанина, кстати, лишённого чувства красоты в природе, но и его жесткая идеологическая установка по отношению к цветным расам как дикарям, к их языческим верованиям, наивным толкованиям бога, в противовес христианской всеобъемлющей вере. При этом красноречивый жест христианина, завязавшего пальцем в воздухе узел, и его слова: «Это – очень полезно, веревки!» ставят европейца в один ряд с российскими вешателями разных периодов, в том числе и периода поражения первой русской революции.

В экстремальной ситуации англичанин теряет самообладание, прежний апломб и, проявив излишнюю суетливость, лишается возможности продолжить совместную поездку. Привыкший к размеренности и порядку иностранец теперь кричит, «не заботясь о правильности языка». Резко изменились интонации, теперь он «бешено» кричит, «рычит», и этот рык, как и вся метаморфоза: «лицо у него было серое, на висках выступил пот, челюсть тряслась и глаза, налитые кровью, гневно блестели» [4, XXIII, 371], служит несомненному снижению образа.

Однако с этой временной слабостью и убыточной для бизнесмена травмой Крэйтон быстро справился. В изображении Горького сцена расставания англичанина с Самгиным восстанавливает прежний статус европейца, он шутит, пытается философски принять случив-

шееса с ним. Об очевидно обретенном равновесии пострадавшего дельца говорит и улыбка во время встречи на вокзале в Уфе с соотечественником-англичанином, осевшим здесь. Вспоминая всё пережитое в дороге, Клим пришел к заключению: «А Крэйтон – весьма типичен. Человек аристократической расы. Уверенность в своём превосходстве над всеми людьми» [4, XXIII, 374).

Тем не менее, столь оптимистический вывод Самгина об англичанах был решительно поколеблен в эпизоде третьей встречи с Крэйтоном в Петербурге уже в годы Первой мировой войны. Эта встреча произошла в салоне француженки по рождению, бывшей актрисы Елены Прозоровой в Петрограде. Клим Иванович имел возможность наблюдать там за иностранцами «сердечного согласия» (союзниками. – Т. Б.), чаще всего там бывали англичане, которые опять же «всех поучали, и вообще вели себя как «старшие в доме». Именно здесь появился и Крэйтон в форме английского офицера. Время изменило облик некогда круглощекого, со здоровым румянцем человека. Теперь лицо его «вытянулось, нижняя челюсть как будто стала тяжелей, нос – больше, кожа обветрела, побурела, а глаза, прежде спокойно внимательные, теперь освещались усталой, небрежной и иронической улыбкой» [4, XXIV, 489–490]. Так закрепляется в сознании читателя физиономия национального типа, увенчанная хотя и усталой, но всё же иронической улыбкой.

Со свойственной ему повелительной интонацией прокомментировал англичанин оставшееся нераскрытым убийство «замечательной русской женщины» Марины Зотовой, справедливо заметив: «Плохо работает ваша полиция. Наш Скотланд-ярд узнал бы, о да!». По-прежнему самоуверенно высказался он о русских, которые «как будто стыдятся практики и прячут её, орнаментируют религией, философией, этикой...», не преминул пустить критическое замечание о немцах, не менее иррациональных, чем русские, тем не менее, склонных к привычке грабить французов, твёрдо уверенных в том, что «практика – это борьба за жизнь, за свободу жизни». Не забыл он подчеркнуть и «заслуги Англии в истории Европы в прошлом» и теперь: «Если б Англия не вступила в бой за Францию, немцы уже разбили бы её, грабили, зверски мучили и то же самое делали бы у вас... с вами» [4, XXIV, 491].

Его сентенции, обнажившие противоречия в европейском доме, прозвучали в полной тишине и неожиданно были прерваны дерзкой,

вызывающей речью Елены. Отпор англичанину дала полуфранцуженка, напомнив о неблагоприятной роли Англии в разгроме немцами Франции. Обвинила она англичан и в поражении французской революции. «Сто два года тому назад под Ватерлоо ваши солдаты окончательно погасили огонь французской революции». По её мнению, англичане помешали Европе «сделаться Соединенными Штатами, я верю, что Наполеон хотел этого» [4, XXIV, 491].

Искренность и страстность обвинений Елены, назвавшей англичан людьми компромисса, «непревзойдённого лицемерия и равнодушия к судьбам Европы», поработителями, заставившими работать на каждого англичанина «пятерых индусов, не считая других поработанных...», изумила Самгина. Он понял, что «чего-то недосмотрел» в Елене, «считая её глуповатой». Эта неожиданность в «певичке» стала возможной потому, что Клим Иванович забыл: в Елене живет неистребимая француженка. И это заставило хозяйку салона дать отпор гостю, который и в этой ситуации сохранил невозмутимость. Тщательно выковыривая «какой-то ложечкой пепел» из трубки, Крэйтон чётко произнёс: «В сущности, войну начали вы, русские. Если б в переговоры не вмешался ваш темперамент...». Мысль осталась непрояснённой, фраза – незаконченной. Но это было уже неважно. Англичанин остался при своём мнении, сохранив невозмутимость.

Для Самгина в этой ситуации Крэйтон остался чужим человеком, случайным гостем, но для автора этот поединок двух представителей европейской культуры был чрезвычайно показательным, расставил точки в деле национальной идентификации представителей трёх крупнейших народов Европы. Предпочтение, как представляется, отдано французам. И это не случайно: Горький неоднократно признавался в своей любви к французской литературе, его неизменно влекли французские романтики, овеванные жаждой горения, любви к жизни. Не удивительно, что одна из первых рецензий молодого писателя была посвящена французскому неоромантику Полю Верлену («Полю Верлен и декаденты», 1896 г.), которую у нас до сих пор толкуют превратно, а также – знаменитому герою Э. Ростана «Сирано де-Бержерак» (1900), где он выразил восхищение людьми, рождёнными «с солнцем в крови».

В этой ситуации можно говорить об устойчивости горьковского интереса и симпатии к французам. В отношении англичан он более

сдержан, отчасти наблюдается тенденция к снижению пафосного их восприятия, что просматривается эволюционно от «Возвращения норманнов...», очерка «Лондон» (1907), к рассказу «Клоун» и далее – к образу Крэйтона и его сентенциям о роли Англии в жизни европейских народов.

Удивительно, что в «Жизни Клима Самгина» не нашлось места итальянцам, которых Горький полюбил страстно ещё в каприйский период. Возможно, сказалось вступление Италии на путь союзничества фашистской Германией. Кстати сказать, немцы в книге представлены бегло. Возможно, отчасти это навеяно событиями в фашистской Германии 1930-х годов. В сознании Клима, приехавшего в Берлин в начале 1910-х годов, остался собирательный образ его обитателей, представление о толстых, хмурых, неприветливых людях, которые «работают молча, угрюмо, машинально». Самгин заметил, что в городе много военных, которые держались «напыщенно». У коренастых, крупных каменщиков, у плотников, как у военных, груди «колесом» и такие же «деревянные лица». О Берлине сказано кратко: «...тяжелый город, скучный, и есть в нём – в зданиях и в людях – что-то угнетающе напряженное» [4, XXIV, 12].

Такое восприятие подготовлено знакомством с хозяйкой пансиона госпожой Бальц. Образ убеждённой антисемитки, непримиримо настроенной против социалистов, которые, по её мнению, «хотят ограбить и выгнать из Германии её законных владельцев», дан в явно шаржированном виде. В этом толстом, шарообразном теле прочно сидит уверенность, что «Германия сама пример для всей Европы», а гениальный кайзер «поставит всю Европу на колени перед немцами...» [4, XXIV, 9]. Портретная характеристика немки выдержана в гротескных тонах: «Она была так толста и мягка, что правая ягодица её свешивалась со стула, точно пузырь, такими же пузырями вздувались бюст и живот. А когда она встала – пузыри исчезли, потому что слились в один большой, не нарушая совершенства его формы. На верху его вырос красненький нарывчик с трещиной, из которой текли слова». Толщина берлинцев – характерная особенность людей самодовольных, пекущихся, прежде всего «о хлебе насущном».

Деформации сознания, пораженного микробом избранности, чреватые болезненным распадом мироощущения, чувства реальности. Это схватил и отразил в своих полотнах популярный в Германии Иероним

Босх. Его полотно, помещенное в зале центрального берлинского музея, вызвало тяжелые раздумья Самгина об «угрюмой фантастике» художника Северного Возрождения, который «поступил с действительностью, как ребёнок с игрушкой, – изломал её и затем склеил куски, как ему хотелось». На его полотнах невообразимая путаница: «человеческое соединялось с птичьим и звериным <...> Произвол художника разорвал, разъединил знакомое существующее на части и комически дерзко связал эти части в невозможное, уродливое», лишил смысла земное бытие [4, XXIV, 13].

Путешествие по городам Германии: по Дрездену, с его замечательными картинными галереями, музеями, по Мюнхену не развлекло, а только утомило Самгина. Устав «от солидной немецкой скуки», Самгин перебрался в Швейцарию. Этот сюжетный поворот позволил автору закрепить в памяти читателя образ горной страны с её душистой свежестью, гладью озёр, чистотой и спокойствием угловатых людей, которые, улыбаясь, «обнажают очень белые зубы» – верный признак крепкого здоровья, разумно налаженного быта населения, которое живёт «в согласии с природой». О здоровье нации свидетельствует замеченное Самгиным «обилие ... стариков и старушек, одетых как-то особенно скучно и прочно, – одетых на долгую, спокойную жизнь» [4, XXIV, 27]. Образ русских стариков, возникших в памяти Самгина по аналогии, оказался не столь умиротворенным, ассоциировался с историком Козловым «во главе монархической манифестации, с открытой, ревущей, маленькой пастью, с палкой в руке», с ослепшим Дьяконом, заколотым черносотенцем на Арбатской площади в Москве, с «седобородым беллетристом-народником».

Выводы. Так Горький запечатлел в сложной, многоцветной палитре образы европейцев. Не скрывая негативных сторон в отдельных проявлениях европейской действительности, стремясь быть предельно объективным в изображении иностранцев, писатель неизменно акцентировал сильные, привлекательные качества: развитое чувство гражданственности, государственное мышление, умение разумно построить и организовать свою повседневность, умение трудиться, потребность осознать своё место в мире. При всей многомерности представленных картин и образов в итоговой книге Горького не вызывает сомнения авторская интенция, содержащая призыв к согражданам: извлечь уроки в большом и малом, стать лицом к Европе.

Список использованной литературы

1. Гоголь Н. В. Собр. соч. В 8 т. Т 7. / Н. В. Гоголь. – М. : Правда, 1984. – 528 с.
2. Горький и его корреспонденты : материалы и исследования. – Вып. 7 / отв. ред. Л. А. Спиридонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – 680 с.
3. Горький и советские писатели. Неизданная переписка // Лит. наследство. – М., 1963. – Т. 70. – 736 с.
4. Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произв. В 25 т. / М. Горький. – М. : Наука, 1968–1976. – Т. XV. – 1973. – 640 с.; Т. XXIII. – 1975. – 616 с.; Т. XIV. – 1975. – 592 с.
5. Горький М. Художественные произведения. Статьи. Заметки / М. Горький // Архив А. М. Горького. Т. XII. – М. : [б. и.], 1969. – 434 с.
6. Смирнова Л. Н. Евразийство в восприятии и осмыслении Горького / Л. Н. Смирнова // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького : материалы и исследования. / отв. ред. Л. А. Спиридонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Вып. 9. – 448 с.
7. Публицистика М. Горького в контексте истории : материалы и исследования / отв. ред. Л. А. Спиридонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – Вып. 8. – 640 с.
8. Белова Т. Д. «Запад – Восток» как один из смыслообразующих мотивов в книге М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Изучение литературы в вузе : сб. ст. – Саратов : Науч. кн., 2007. – Вып. 6. – С. 115–127.

УДК 821.112.2-32

*Галина Бондаренко***СЛОВ'ЯНСЬКІ ТИПИ В НОВЕЛІСТИЦІ ТОМАСА МАННА**

У статті проаналізовано вплив на становлення естетичних поглядів та творчого методу Т. Манна видатних досягнень російської літератури, а також на прикладі новел «Тоніо Крегер» та «Смерть у Венеції» розглянуто, як звернення до героїв слов'янського походження сприяє розкриттю головної проблеми творчості письменника – проблеми «мистецтво та життя».

Ключові слова: імагологія, стереотип, творча свідомість, рецепція, міфологізація, «мовний» портрет, монолог у діалозі.

Бондаренко Г. Ф. Славянские типы в новелистике Томаса Манна. В статье анализируется влияние на становление эстетических взглядов и творческого метода Т. Манна выдающихся достижений русской литературы, а также на примере новелл «Тонио Крегер» и «Смерть в Венеции» рассматривается, как